

На переломе — эпизод 13 из 27

Некоторые хохотали, другие задыхались под тяжестью давивших их тел, ругались, как ломовые извозчики, плакали и в остервенении кусали и царапали первое, что им попадалось, все равно, будь это рука или нога, живот или лицо неизвестного врага.

Повергнутый сильным толчком на землю, Буланин почувствовал, как чье-то колено с силою уперлось в его шею. Он пробовал освободиться, но то же самое колено втиснуло его рот и нос в чей-то мягкий живот, в то время как на его спине барахтались еще десятки рук и ног. Недостаток воздуха вдруг придал Буланину припадочную силу. Ударив кулаком в лицо одного соседа и схватившись за волосы другого, он рванулся и выскочил из кучи.

Он не успел еще подойти к своей кровати, как его окликнули:

А! Буланка! А ну-ка, иди сюда.

Это был Грузов. Буланин сразу узнал его голос и почувствовал, что бледнеет и что у него задрожали колени. Однако он подошел к Грузову, стоявшему в амбразуре окна и раздиравшему зубами половину курицы.

Принес? лаконически спросил Грузов, вытирая руки о грудь пиджака.

Голубчик... ей-богу, не мог, жалобно забормотал Буланин. Ну, вот честное, благородное слово, никак не мог. В следующее воскресенье уж непременно принесу... непременно...

Отчего же ты не мог сегодня? Отжилить хочешь, подлец? Давай назад фонарь...

У меня его нет, прошептал Буланин. Петух отобрал... я...

Он не успел договорить. Из его правого глаза брызнул целый сноп ослепительно белых искр... Оглушенный ударом грузовского кулака, Буланин сначала зашатался на месте, ничего не понимая. Потом он закрыл лицо руками и зарыдал.

Слышишь, чтобы в следующий раз ты мне или фонарь возвратил, или принес деньги. Только уж теперь не два, а два с полтиной, сказал Грузов, опять принимаясь за курицу. У тебя есть гостинцы-то по крайней мере?

Нет... были яблоки и лепешки... и банка малинового варенья была... Я хотел все тебе отдать, невольно солгал Буланин, да у меня их сейчас только отняли старички...

Эх, ты!.. протянул Грузов презрительно, и вдруг, с мгновенно озверевшим лицом, ударив изо всех сил Буланина по затылку, он крикнул: Убирайся ты к черту, жулябия! Ну... живо!.. Чтобы я тебя здесь больше не видел, турецкая морда!..

До глубокой ночи шныряли старички между кроватями первоклассников, подслушивая и подглядывая, не едят ли они что-нибудь тайком. Некоторые действовали партиями, другие в одиночку. Если новичок отказывался угостить, то его вещи, шкафчик, кровать и его самого подвергали тщательному обыску, наказывая за сопротивление тумаками.

У своих одноклассников они хотя и не отнимали лакомств, но выпрашивали их со всевозможными унижениями, самым подлым, нищенским тоном, с обилием уменьшительных и ласкательных словечек, припоминая тут же какие-то старые счеты по поводу каких-то кусочков.

Буланин уже лежит под одеялом, когда над его головой останавливаются двое второклассников. Один из них называется Арапом (фамилии его Буланин не знал). Он, громко чавкая и сопя, ест какие-то сладости. Другой Федченко попрошайничает у него.

Ара-ап, да-ай кусочек шоколаду, тянет Федченко умильным тоном.

Арап, не отвечая, продолжает громко обсасывать конфету.

Ну, Арапчик... ну, голубчик... Са-амый маленький... хоть вот такой вот...

Арап молчит.

Это свинство с твоей стороны, Арап, говорит Федченко. Это подлость.

Арап, сопя носом и продолжая сосать шоколад, отвечает своим картавым голосом:

Убирайся к черлту!

Арапушка!

Убирайся, убирайся... Нынче не суббота, не подают.

Ну, хоть са-амый маленький. Дай хоть из рук откусить.

Не прлоедайся.

Ладно же, сволочь ты этакий! говорит Федченко, вдруг рассвирепев.

Попросишь ты у меня когда-нибудь гостинца!

Даже и не подумаю прлосить, сосет равнодушно Арап свой шоколад.

Я тебе это припомню, дрянь, не унимается Федченко. Ты небось забыл, как я тебя, подлеца, угощал? Забыл?

Арап вдруг оживляется, и слышно, что он с хлопаньем вынимает шоколад из рта.

Ты?.. Меня?.. Угощал?.. Когда?

Когда? с задором переспрашивает Федченко.

Да, когда?

Когда?

Ну, когда же? Ну?

Когда? А помнишь, у меня были пирожки с капустой. Что ж, скажешь, я с тобой не поделился? А? Не поделился?

Все ты врлешь. Никаких у тебя пирложков не было, хладнокровно отвечает Арап и опять принимается за шоколад.

Наступает длинное молчание, в продолжение которого Буланин чрезвычайно живо себе это представляет Федченко не сводит жадных глаз со рта Арапа.

Потом снова раздается тот же униженный, нищенский голос:

Ара-апчик... голу-убчик... ну, дай же маленький кусочек... Ну, хоть вот такой крошечный... Самую капельку...